

**КАРТИНА
ВРЕМЕНИ**

РОБЕРТО КАРНЕРО

ПАЗОЛИНИ

Умерейть за идеи

Издательство АСТ
Москва

УДК 791.071.1:929(450)

ББК 85.374(3)-8

K24

Roberto Carnero

PASOLINI. MORIRE PER LE IDEE

Печатается с разрешения Giunti Editore S.p.A.

Впервые опубликовано под импринтом Bompiani в 2010 г.

Первое расширенное и дополненное издание опубликовано
Bompiani / Giunti Editore S.p.A. в 2022 г.

Фото на обложке AF Archive/Mary Evans/East News
предоставлена фотоагентством EAST NEWS Russia

Карнеро, Роберто.

K24 Пазолини. Умереть за идеи / Р. Карнеро — Москва :
Издательство АСТ, 2024. — 416 с. — (Картина времени).

ISBN 978-5-17-154913-8

Книга «Пазолини. Умереть за идеи» исследует творчество Пьера Паоло Пазолини от поэзии до художественной литературы, от театра до кино, от журналистики до литературной критики, предлагая читателю взгляд на его работы как на единое целое. Автор Роберто Карнеро анализирует различные фазы творчества Пазолини, пересекая их в постоянно меняющемся творческом дискурсе. Книга выделяет великие «пазолинские» темы, такие как молодость, отношения с религией и политикой, ностальгия по прошлому и апокалиптическая фаза последних лет.

УДК 791.071.1:929(450)

ББК 85.374(3)-8

© Giunti Editore S.p.A./Bompiani, Firenze-Milano, 2022

© М. С. Соколова, перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2024

ISBN 978-5-17-154913-8

Эта книга переведена благодаря финансовой поддержке Министерства иностранных дел и международного сотрудничества Италии.

*Questo libro è stato tradotto grazie
a un contributo del Ministero degli Affari
Esteri e della Cooperazione Internazionale
italiano.*

Анжеле Феличи и Маурицио ди Бенедиктису

На добрую память

В знак признательности за наши столь
приятные беседы о Пазолини

Или выразить себя ценою смерти,
или остаться безмолвным и бессмертным

(Пьер Паоло Пазолини,
Еретический эмпиризм)

Пазолини и бесстрашие правды

Тот, кому безразлично,
кто победит или проиграет,
не стремится и наблюдать зрелище
победы или поражения
и теряет больше всех,
из тех, кто много *теряет*,
о силы небесные, —
сошлемся на самих себя,
для разнообразия

(Пьер Паоло Пазолини, «Черновик»
из *Trasumanar e organizzar*)

Прежде чем рассказать, почему я осмелился написать книгу о Пазолини (очередная книга о Пазолини..), я решил задать самому себе вопрос, что же такого особенного было в этом художнике, умудрившемся вызвать такой расцвет критической мысли, каким вряд ли могут похвастаться другие итальянские авторы второй половины XX века.

Несколько слов о Пазолини

Пер Паоло Пазолини – фигура огромной значимости в истории второй половины XX века. Он смог овладеть, в гораздо более значительной степени, чем его современники, самыми разными формами художественного самовыражения: был поэтом, прозаиком, драматургом, режиссером кино, литературным критиком и журналистом, хотя сам предпочитал именовать себя просто «писателем».

В своих трудах он из раза в раз затрагивал важнейшие социальные, культурные и гражданские проблемы Италии прошлого века: фашизм и Сопротивление, послевоенную политику, развитие неокapитализма в стадии экономического бума, социальные перемены в жизни буржуазии и пролетариата, революцию 1968 года и драматизм «стратегии напряженности».

Пазолини, провокатор в жизни и в искусстве, занял центральное место в культуре современной Италии. В каждом своем произведении он выражал волю к борьбе, пусть и в одиночку, против институций и тех консенсусных механизмов, которые лиша-

ют человека его сути. Его творчество — приглашение исследовать окружающую реальность, познать ее теневые стороны, не удовлетворяться простыми объяснениями конформистского толка.

Можно разделять или нет его выводы, его идеи и взгляды, но нельзя отказать ему в безусловной способности пронизательно задавать вопросы, пробуждать течение мысли, генерировать споры и размышления, заставлять нас взглянуть на себя и на мир новым взглядом, под другим углом: это дар интеллектуала.

Мне хотелось бы назвать Пьера Паоло Пазолини величайшим и важнейшим итальянским писателем второй половины XX века; но я не могу утверждать это столь категорично, в том числе и потому, что это, скорее всего, не совсем правда. На литературной сцене Италии этого периода выступали и другие герои, оспаривавшие пальму первенства: Итало Кальвино, Чезаре Павезе, Беппе Фенольо, Эльза Моранте...^{*} Но я верю, что могу считать Пазолини выдающимся итальянским интеллектуалом второй половины XX века. Мне кажется также, что и писателем он был единственным в своем роде. По двум причинам, по крайней мере: во-первых, ему было свойственно уникальное качество выражать себя сразу в нескольких областях и в разных жанрах: от поэзии до романа, от театра до кинематографа, от журналистики до филологической критики, постоянно при этом обновляясь внутри открытого и мобильного творческого дискурса.

А во-вторых, — и это связано с его ролью интеллектуала, — такой фигуры, как он, нам решительно не хватает сегодня. «Пазолини продолжает задавать нам с трудом переносимые, а часто просто невыносимые вопросы: такова [...] его “жестокость”. Жестокость, редко встречающаяся у итальянских интел-

* Итало Кальвино / Italo Calvino (1923–1985), Чезаре Павезе / Cesare Pavese (1908–1950), Беппе Фенольо / Beppe Fenoglio (1922–1963), Эльза Моранте / Elsa Morante (1912–1985) — итальянские писатели второй половины XX века, выдающиеся интеллектуалы.

лектуалов, напоминающая об ужасах мира, в котором мы обитает, к которому привыкли (и который не может меняться без этой жестокости)¹: то есть мира, не обладающего смелостью взглянуть на реальность и сказать правду.

Ни один из авторов той эпохи не оставил в национальном образе и коллективной памяти Италии похожего следа, как в творчестве, так и в жизни. Влияние Пазолини не ограничивается только литературой и культурой, оно заметно и в итальянской истории, поскольку именно ей он всю жизнь противостоял, будучи убежденным в необходимости присутствия у интеллектуала высокого уровня моральной и гражданской ответственности.

Пазолини оказался способен, пусть и не без определенной двусмысленности и влияния личных предпочтений, задать вопросы своему времени, увидеть связи настоящего с прошлым, провести ясный и беспощадный анализ итальянской жизни, распространить его на весь мир, на будущие этапы нашего все более охваченного глобализацией существования. Каждый его «идеологический текст», в стихах и прозе, говоря словами Джанфранко Контини*, представляет собой «формулировку не рационалистическую, но символическую, герметическую, “полную страсти”»², что отнюдь не умаляет ее значения, даже наоборот, повышает, показывая, насколько глубоко его идеи укоренены в самом интимном опыте и до какой степени «частное» и «политическое» (перефразируя старый девиз протестов 1968 года) были для него одним и тем же, проблемой, которую, рассматривая сквозь призму собственной субъектности, он в конце концов превратил в экзистенциальный вопрос. Таким образом, он дал начало продолжительным, глубоко личным размышлениям критической направленности о культуре, обществе, политике; его выводы и по сей день являются его

* Джанфранко Контини / Gianfranco Contini (1912–1990) – итальянский литературовед, филолог, академик и партийный деятель, историк итальянской литературы, один из крупнейших представителей стилистической критики.

самым ценным наследием. «Страсть» и «идеология» превращались для него в единое целое по мере того, как произведение становилось выражением одновременно и личных, и социальных противоречий.

Поэтому, 100 лет спустя после дня его рождения и почти 50 лет с момента его смерти, некоторые его прозрения в области самых темных и сложных сторон нашего общества кажутся, увы, пророческими. Я использую это прилагательное – пророческий, – несмотря на то, что им злоупотребляют в отношении Пазолини, и я его не очень люблю, ведь в подобных случаях это слово выглядит слишком туманным, эзотерическим, мистическим. Пазолини отнюдь не был провидцем, обладающим тайным знанием или способностями медиума. Он просто умел предвидеть пути развития и изменения современного мира, и делал это потрясающе точно: глядя внимательно на настоящее (свою собственную жизнь) и заставляя его взаимодействовать с собственной уникальной культурой и чувствительностью, он в воображении (зная заранее, что случится) чувствовал направления изменений. В его произведениях нет ни одной детали, которая не была бы глубоко погружена в реальность его времени, при этом каждая подробность несет в себе метафорический заряд, способный рассказать о том, что находится за пределами случайностей, и предугадать будущее. Пазолини был способен сформулировать проблему в самом широком смысле.

Я не являюсь поклонником игры «Как бы поступил Пазолини». Это риторическая банальность, к тому же уже не смешная сегодня. Что бы Пазолини писал в социальных сетях? Что бы сказал о «Большом брате»* или «Остаться в живых»**? Или о политике последних лет? Или даже о пандемии Covid-19?

* «Большой брат» – гонконгский драматический боевик 2018 года, снятый Камом Каваем, с Донни Йеном и Джо Ченом в главных ролях.

** «Остаться в живых» – культовый американский драматический телесериал (2004–2006), лауреат премий «Эмми» и «Золотой глобус».

Стоит раз и навсегда признать: мы никогда не узнаем, что сказал бы Пазолини о том или ином явлении или событии, потому что он умер в 1975 году. Что не исключает того, что по некоторым вопросам интеллектуальная и культурная глубина его мысли вполне может открыть нам что-то новое и в нашем настоящем. Проецирование идей Пазолини, как и некоторых других великих авторов (в том числе и из более отдаленного прошлого), за пределы их времени вполне естественно и часто весьма плодотворно.

В жизни Пазолини делал то, на что мало кто осмеливается: он двигался против течения. Но не из позерства для саморекламы или из-за [REDACTED]* (образцов подобного поведения мы имеем сегодня перед глазами более чем достаточно), но исключительно из внутреннего убеждения, в попытках продвигать свои собственные идеи, и был готов заплатить за них самыми тяжкими последствиями, включая и самую крайнюю меру – утрату жизни.

Именно поэтому фигура Пазолини для его эпохи стала как бы «несовременной»³. По отношению к политике он и прежде был «внесистемным» интеллектуалом, самостоятельным, независимым от идеологических установок; впоследствии же, с конца 50-х годов и позже, когда влияние итальянских интеллектуалов снизилось на фоне распространения культуры постмодерна и идеи искусства (включая литературу) как носителя игрового и комбинаторного начала (поздний Кальвино может служить примером такого поворота), Пазолини, напротив, сохранил – и, кажется, даже усилил – на последних этапах своей работы (имеются в виду его «Корсарские письма» и «Лютеранские письма», неоконченный роман «Нефть» и даже такой его фильм, как «Сало, или 120 дней Содомы») яркие опыты критики общества потребления, его фальшивых ценностей и политических практик тех лет. Однако парадоксальным образом все, что тогда казалось «несовременным» в творчестве Пазолини, после его смерти в глазах читателей

* Для выхода книги в свет редакция вынуждена сократить оригинальный текст (прим. ред.)